

Евгений Котляр
(Харьков, Украина)

Доцент, кандидат искусствоведения, профессор кафедры монументальной живописи и кафедры теории и истории искусства, Харьковская государственная академия дизайна и искусств

E-mail: eugeny.kotlyar@gmail.com

ID ORCID: 0000-0001-7698-418X

Творческое наследие Ушера Хитера и Элюкима Мальца в контексте развития еврейской этнографии и музейной практики межвоенного времени

*Светлой памяти моего учителя,
академика, доктора архитектуры, профессора
Генриха Иосифовича Фильварова
(1927–2015)*

Аннотация: В статье рассматривается довоенный период жизни и творчества двух архитекторов, воспитанников одесской архитектурной школы Ушера Хитера (1899–1967) и Элюкима Мальца (1898–1973), выпускников Одесского архитектурного училища. Рассматриваемый период связан с работой, выполненной архитекторами для Всеукраинского музея еврейской пролетарской культуры им. Менделе Мойхер-Сфорима в Одессе. На основе документов и визуальных материалов из ряда музеев и архивов Украины, России и Израиля, а также частных собраний (в том числе из семей архитекторов, живущих в Москве, куда переехали Хитер и Мальц в конце 1920-х гг.) предпринимается попытка реконструировать их творческие экспедиции по бывшей черте еврейской оседлости. Ими было совершено семь поездок в Подолию и советскую часть Волыни с целью сбора материалов и экспонатов для музея, создания натуральных рисунков и акварелей с видами еврейских памятников – синагог, кладбищ и жилой застройки. Шесть из этих поездок удалось датировать точно, наиболее масштабной и плодотворной экспедицией была поездка 1927 г., точный фрагмент маршрута которой, отраженный в сохранившихся письмах, оригиналах работ и репродукциях, автор смог восстановить. Архитекторы не ограничивались только «еврейским кварталом», фиксируя и другие городские достопримечательности, начиная с древнейших крепостных сооружений. Десятки видов Хмельника, Изяслава, Меджибожа, Полонного, Староконстантинова, Новоконстантинова, Бердичева, Винницы и других городов передают архитектурные образы уходящего еврейского прошлого. Некоторые из них известны и по другим источникам, а некоторые – уникальны. Такой способ

натурного исследования объектов свидетельствует о методе сохранения и презентации распадающейся среды еврейских местечек, который был широко распространен в довоенный период. Работы также демонстрируют художественное образование и подготовку, характерные для архитекторов старой школы. Работа обоих архитекторов рассматривается через призму музеефикации еврейского наследия в ранний советский период, тесно связанной с формированием государственной идеологии и ее переходом от «построения национальной идентичности» к классовой социальной парадигме и атеистическому воспитанию.

Ключевые слова: Ушер Хитер, Элюким Мальц, Одесса, еврейский музей, черта оседлости, полевые экспедиции, еврейские памятники, синагоги, кладбища, застройка, натурные рисунки, этнография, советская идеология

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.1.3

Музеефикация еврейской культуры: между подвижничеством и идеологией

Первое десятилетие советской власти с провозглашенной эпохой национального строительства угнетенных при царизме народов ознаменовалось бурным подъемом еврейской культуры и музеефикацией сохранившегося наследия. В столичных центрах и провинциях создавались соответствующие институции и структуры, которые выводили развивавшееся до этого этнографическое движение на новый уровень при широкой государственной поддержке, новом законодательстве и идеологическом контроле. Органичной частью всеобщего этнографического музейного дела становилось собирательство экспонатов «еврейской улицы» для формирования духовного облика и идейной платформы евреев нового пролетарского государства. На этом этапе еврейская этнография развивалась в общем фарватере историко-краеведческого движения и музейного дела, которое формировалось на новых научно-методологических основах и принципах. Этот процесс отмечен, с одной стороны, новой политикой в охране и исследовании памятников, демократизацией музейного дела и приобщением к этой работе чиновников, профессионалов и широкой общественности через сеть краеведческих центров: кружков, товариществ, комиссий и пр. С другой – он был обусловлен идеологическим подходом в оценке наследия и критическим освоением культурных ценностей прошлого [Скрипник 1989, 106–109]. Все созданные в этот период еврейские музейные институции и отделы подчинялись общей повестке, что определило их кратковременный взлет и последующий финал. Закрытие музеев, рассредоточение коллекций и массовые репрессии музейщиков превратили пласт еврейской культуры, который только что начал формироваться и оформляться стара-

ниями многих исследователей в широком музейном пространстве, в своеобразный «археологический слой». Сегодня он чрезвычайно медленно и с большими усилиями открывается современникам. В полной мере это относится и к деятельности Всеукраинского музея еврейской пролетарской культуры им. Менделе Мойхер-Сфорима в Одессе, с которым связан сюжет настоящей публикации¹. Общая картина его работы восстанавливается в уже существующих публикациях, но многие вопросы и темы открыты и ждут своих исследователей, прежде всего, в киевских и одесских архивах и библиотеках.

Еврейский музей в Одессе был единственным специальным музеем «национального» профиля в Украине [Дубровский 1929, 10, 56] и одним из четырех государственных еврейских музеев, действовавших в СССР в межвоенное время (наряду с музеями в Ленинграде, Самарканде и Тбилиси). Неоднократные попытки открыть подобный музей в других городах молодой республики не привели к успеху, хотя еврейские отделы существовали во многих региональных музеях, например, в Полтавском краеведческом [Дубровский 1929, 35–37] и Бердичевском социально-историческом музеях [ИА, Ф. ВУАК. Д. 330. Л. 20–23], не говоря уже о подотделах, экспозициях и коллекциях, которые были в музеях многих городов: в Виннице, Белой Церкви, Каменце-Подольском, Чернигове, Харькове, Тульчине, в собраниях Киевской еврейской художественно-промышленной школы «Культур-Лиги» и пр. Как показала Марина Щербакова, взлет интереса и официальной поддержки еврейского музейничества во многом был связан с политикой коренизации², в рамках которой продвигались многие «национальные проекты», от территориальных автономий до национальных школ, издательств, культурных объединений, музеев и коллекций. Одесский музей работал с 1927 по 1941 гг. с большим перерывом с 1934 по 1940-е годы. Его деятельность осуществлялась в обстановке сложных противоречий между официальной советской идеологией, призванной воспитать новую советскую еврейскую нацию, и реальной работой музея, освещавшей в своих собраниях и экспозициях разные стороны еврейской жизни, в том числе духовную культуру традиционного еврейства и еврейский авангард.

---

¹ Данная статья подготовлена на основе доклада, представленного автором на V Международной научно-практической конференции «Музей. История. Одесса», посвященной 60-летию Одесского историко-краеведческого музея (Одесса, 28–29 апреля 2016 г.), «Ушер Хитер и Элюким Мальц: в поисках затерявшихся экспедиций еврейского музея в Одессе», а также доклада на 17-м Всемирном конгрессе еврейских исследований (Еврейский университет в Иерусалиме, 6–10 августа 2017) «Usher Chiter and Elyukim Maltz: In Search of Lost Research Expeditions from the Jewish Museum in Odessa».

² Политическая и культурная кампания советской власти в национальном вопросе в 20-е и начале 30-х годов XX в., призванная сгладить противоречия между центральной властью и нерусским населением СССР.

Это вызывало резкую критику, что на фоне изменения национальной политики в конечном счете привело к сворачиванию деятельности музея, его последующему закрытию и утрате богатейшей коллекции [Щербакова 2016, 19–21].

Однако в те годы слава об одесском музее выходила далеко за пределы страны. О его широкой известности свидетельствует в частности публикация сотрудника музея, известного художника Эммануила Шехтмана, вышедшая в Берлине в 1932 г. в немецкоязычном еврейском журнале «Менора» [Schechtman 1932, 393–394]. Архивные изыскания директора Одесского историко-краеведческого музея (ОИКМ) Веры Солодовой представили современникам имена организаторов музея и директоров, некоторых из сотрудников, историю его открытия, отдельные детали о формировании и накоплении фондов и десятках тысяч экспонатов, среди которых были памятники традиционного искусства и живописные работы. Известны масштабы деятельности музея; его сотрудничество со многими «кружками друзей» музея и сподвижниками из разных городов России и Белоруссии, собиравшими для музея экспонаты; многообещающие планы музея и его контакты со многими институциями. Есть подробные сведения и о перемещениях самих артефактов: вначале в одесский музей из закрытых ранее еврейских музеев других городов СССР, а после его закрытия – в другие хранилища страны, в частности в Киев, где они экспонируются и сегодня [Солодова 2002а; 2002б; 2005; 2010; Романовська 2002]. Но связать большинство разрозненных фактов в единую цепь истории функционирования музея, с привязкой к конкретным лицам и их работе, событиям, выставкам и т.д. пока оказывается неподъемной задачей. Вряд ли ситуация изменится коренным образом ввиду скудости публикаций, сохранившихся материалов и документов. Вместе с тем, на отдельные эпизоды деятельности музея и работу его сотрудников удастся пролить свет. Примером тому стала ценная информация, обнаруженная Мариной Щербаковой в ходе работы в архивах, изучения русскоязычной и идишской периодики, в частности газеты «Дер Эмес» (ред. Моше Литваков) с уникальными фотографиями, сделанными в 1927 году на открытии еврейского музея [Щербакова 2016, 19–20]³.

Все эти сведения дают общую картину «сверху», раскрывая деятельность музея и его трансформацию в условиях общеполитической обстановки и реконструируя основные этапы его работы. Гораздо труднее прослеживаются отдельные направления работы музея, в частности его экспедиции по бывшей черте еврейской оседлости с целью пополнения коллекций и изучения жизни старого еврейства. В первой трети XX в. это была общая практика, которая пришлась, как писал в своих мемуарах украинский искусствовед Павел Жолтовский, на время «лебединой песни жизни старого украинского села» [Жолтовський 2013, 37], а в случае с еврейским наследием – уходя-

³ Этот материал был опубликован в журнале «Дер Эмес» в 1928 году (№ 1).

щей жизни еврейского местечка. Во второй половине 1920–1930-х годов сотрудники многих музеев и организаций ездили по украинским провинциям и фиксировали сохранившиеся памятники еврейской культуры, архитектуры и искусства. Все это происходило на фоне религиозных гонений, национализации синагог и изъятия религиозной утвари, что нередко было источником пополнения коллекции музеев. Видимо, здесь и возникло труднопреодолимое противоречие между стремлением советской власти искоренить «черные гнезда», «очаги (притоны) религиозного дурмана» и «центры мракобесия»⁴ – с одной стороны, и желанием самих музеев и их подвижников показать старую культуру во всем многообразии форм и самобытности – с другой. В 1930-е годы власть уже рассматривала музеи как идеологические учреждения, направляя их работу в просветительско-воспитательное русло, что входило в конфликт с интересами самих музейщиков, желавших заниматься научно-исследовательской и издательской работой [Солодова 2016, 226]. Нет сомнений, что это стремление затмевало экспозицию достижений в деле перевоспитания еврейской нации, что, как говорилось выше, во многом и определило дальнейшую печальную судьбу этих коллекций и их создателей.

Документы и фотографии тех лет показывают огромный интерес к памятникам еврейской культуры бывшей черты оседлости, равно как и перекрестки маршрутов многих экспедиций. Научные публикации последнего десятилетия открыли поистине грандиозную панораму полевых исследований известных украинских искусствоведов и музейных работников Данилы Щербаковского, Павла Жолтовского, Георгия Брилинга, Феодосия Молчановского, Владимира Гагенмейстера, Костя Кржеминского, Елизаветы Левицкой, Натальи Коцюбинской, Марии Вязьмитиной, Марии Новицкой и многих других, именно их работа сформировала научную базу современных исследований в этой области [Лукин 2003; Котляр 2009; 2013; 2014а; 2014б; 2016а; 2016б; 2017; Ходак 2014, 874–880; 2017, 73–81, 147–148, 222–226]. В ходе изучения их наследия раскрывался не только персональный вклад каждого в общее дело, но и их методы, личные качества, предпочтения и трагические судьбы на фоне меняющегося советского режима. Большинство из них позднее подверглись репрессиям, а их материалы погибли или были заброшены на архивные полки «до востребования». Такой персональный след удалось отыскать и в деятельности одесского музея, благодаря недавним исследованиям о двух бывших одесситах, впоследствии москвичах, Ушере Хитере и Элюкиме Мальце, которым и посвящена данная публикация.

⁴ Типичная фразеология советской атеистической прессы рубежа 1920–1930-х годов (журналы «Безбожник», «Безбожник у станка», «Безвирник»).

Ушер Хитер и Элюким Мальц: два имени в одной истории

Среди многочисленных энтузиастов и подвижников еврейского музейного движения, молодость которых пришлась на время национального подъема, Хитеру и Мальцу, тогдашним студентам-архитекторам, принадлежит особое место в сохранении памятников еврейской материальной культуры. Их профессиональные навыки оказались бесценным потенциалом для вдохновителей этого движения, в частности для руководства еврейского музея в Одессе, озабоченного полноценной презентацией еврейского наследия. До начала 2000-х годов имена этих архитекторов мало что значили для сферы еврейских исследований, оставаясь известными лишь в узких кругах одесских краеведов и коллекционеров. Отдельные страницы их биографии, экспедиционной и творческой работы освещались в ряде предыдущих публикаций [Лостман 2001; Котляр 2009, 127–129; 2016а; Sokolova 2017, 159, 177, 182–183]. Оба они как агенты музея еще в молодости участвовали в поездках по городам и местечкам Подолии и советской части Волыни – бывшей черты еврейской оседлости, собирая экспонаты для музея, зарисовывая и фотографируя памятники еврейской старины. Эта работа была связана с одной из важнейших стратегических линий музея, без которой невозможна деятельность любого музея – формированием коллекции и пополнением музейных фондов [Солодова 2001, 251]. Среди фотографий 1927 года, сделанных для газеты «Дер Эмес», видна экспозиция нового музея со стеной, полностью оформленной рисунками синагог и фотографиями надгробий, сделанными Хитером и Мальцем (Илл. 1).

Архивные поиски, активизировавшиеся на фоне интереса к еврейским музейным коллекциям довоенного времени, показали, что до нас дошла немалая часть их творческого наследия. Это оригинальные рисунки, акварели и фоторепродукции из ряда частных и государственных собраний Украины, России и Израиля, которые хранятся там и по отдельности, и в составе коллекций. В самой Одессе, в фондах ОИКМ содержатся графические этюды, сделанные в их ранний студенческий период. По сведениям В.В. Солодовой, они были переданы из Одесского музея западного и восточного искусства в 1955 году. Собрание насчитывает 18 рисунков и акварелей с видами Одессы: фасадами домов, внутренними дворами и пристройками, причем 14 из них выполнены Мальцем. Все они датированы 1921–1924 гг., когда Хитер и Мальц учились на 1–2 курсах Одесского художественного института (ОХИ) и, вероятно, выполняли учебные задания⁵. В те годы ректором ОХИ и одним из руководителей архитектурной мастерской института, а также директором Музея Старой Одессы был Осип Давидович Зейлигер (1882–1968), известный архитектор, педагог, музейный деятель [Барковская

⁵ Благодарю Веру Владленовну Солодову (Одесса) за подготовку справки для этой статьи с перечнем работ Хитера и Мальца из фондов ОИКМ.

Илл. 1. Вид экспозиции рисунков и фотографий Ушера Хитера и Элюкима Мальца из сезона 1927 г. в одном из залов открытого Еврейского музея в Одессе. Фото 1927 г. Эмес, 1928, № 1; репродукция из статьи: [Щербакова 2016, 20]

2015, 138], имевший опыт и в работе над объектами еврейской общины⁶. Эти зарисовки молодых зодчих показывают, как оттачивалась их графическая манера и техника, которой в старой архитектурной школе уделяли огромное внимание, обучая студентов искусству архитектурной графики и натурного рисунка.

Говоря о еврейских материалах, следует упомянуть и собрание оригиналов работ Хитера и Мальца из Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А.В. Щусева (ГНИМА) в Москве. Здесь хранится серия рисунков застройки Каменца-Подольского (1924), рисунок еврейской улицы Меджибожа (1927) и четыре листа с видами синагог, относящихся к 1925, 1929 и 1939 гг. (авторизованная копия одного из ранних рисунков, 1927 г., сделанного для еврейского музея). Дополняет это собрание коллекция фоторепродукций рисунков обоих архитекторов из собрания Центрального архива истории еврейского народа в Иерусалиме (ЦАИЕН), которая включает около двух десятков фотографий из экспедиции 1927 г.

⁶ В начале своей карьеры, в 1907 г., О.Д. Зейлигер принимал участие во всероссийском конкурсе на реконструкцию Еврейского Преображенского кладбища в Санкт-Петербурге [Лукин 1993, 453].

с видами синагог, застройки местечек, построек и надгробий еврейских кладбищ⁷. Значительная часть этих изображений дублируется в собрании одесского коллекционера Тараса Максимюка, которое, по словам владельца, насчитывает 26 позиций [Лостман 2001]. Несколько репродукций работ Хитера и Мальца, в том числе и те, которые представлены в вышеупомянутых собраниях, неожиданным образом отложились в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) в деле литературоведа, доцента 2-го Московского университета Арона Шефтелевича Гурштейна (1895–1941)⁸. Судя по названию дела, зарисовки синагог и еврейской застройки Изяслава, Бердичева и Меджибожа, как и другие хранящиеся здесь изобразительные материалы, были отобраны для готовящегося издания собрания сочинений Менделе Мойхер-Сфорима [РГАЛИ, Ф. 2270. Оп. 1. Д. 353]. О том, как подобные работы использовались в самых разных целях, в том числе в атеистической пропаганде, рассказывает недавняя статья Аллы Соколовой, которая обнаружила еще две работы И. Мальца в собрании Государственного музея истории религии (ГМИР) в Санкт-Петербурге⁹. Это карандашные рисунки с видами улицы в Иерусалимке, еврейском предместье Винницы (1934)¹⁰, и синагоги Бешта в Меджибоже. Причем рисунок с видом еврейской улицы входил в число пяти видов винницкой Иерусалимки. Указанные работы были приобретены для Центрального антирелигиозного музея Лиги воинствующих атеистов в Москве, фонды которого в 1947 г. были перевезены в Ленинград и вошли в состав тогдашнего Ленинградского музея истории религии [Sokolova 2017, 177, 183]. Отдельные графические работы публиковались в периодической печати 1930-х годов, например, в «Архитектурной газете», а также в нескольких статьях и монографических изданиях [Kravtsov 2005; Kravtsov, Levin 2017].

Вместе с тем до последнего времени мы немного знали об этих людях, их многолетнем сотрудничестве с еврейским музеем и значительном вкладе в музеефикацию памятников еврейской архитектуры и материальной культуры. Знания эти ограничивались краткими сведениями из ОИКМ, упомянутыми публикациями и некоторыми документальными источниками – личными фондами Хитера [РГАЛИ, Ф. 2466. Оп. 5. Д. 916] и Мальца [РГАЛИ, Ф. 2466. Оп. 6. Д. 186] как членов Московского отделения Союза архитекторов СССР. Правда, они относились к более позднему, московскому периоду их жизни. В этих архивных материалах среди прочих документов содер-

⁷ Выражаю признательность координатору восточноевропейского отдела ЦАИЕН Вениамину Лукину (Иерусалим) за эти сведения и возможность ознакомиться с коллекцией архива.

⁸ Благодарю Марину Щербакову (Санкт-Петербург/Гейдельберг) за эту информацию.

⁹ Выражаю признательность анонимному рецензенту данной статьи за сведения о публикации А. Соколовой.

¹⁰ Данный рисунок, подписанный автором «Винница. Иерусалимка, 1934» в коллекции музея имеет название «Улица в местечке».

жаты биографии обоих архитекторов со сведениями об их жизни и профессиональной деятельности, а в материалах Мальца – искомые данные о поездках по Подолии и советской части Волыни¹¹. Но о прямых целях этих поездок и их связи с еврейским музеем в Одессе не говорится ни слова. Казалось, что на дальнейшее развитие этого сюжета уже нет надежды, если бы не случай. Находка натурального рисунка еврейского надгробия в Немирове (1750 г.), выполненного Ушером Хитером в 1934 г. и переданного его дочерью в Национальный художественный музей Украины [НХМУ, Ед. хр. ГРС-10395]¹², стала отправной точкой успешных поисков, которые привели из Киева в Москву – к потомкам Хитера и Мальца, бережно хранящим наследие предков.

Незабываемое общение с дочерью Хитера Людмилой Ушеровой Молдавской (1938–2014) в феврале 2013 г., контакты с его внучкой Ксенией Александровной, а также возникшее благодаря им знакомство и тесное взаимодействие с прямыми наследниками Э. Мальца, сыном Виктором Ильичем Мальцем (1936–2017) и внуком Кириллом Викторовичем обогатили исследование уникальными материалами и сведениями о жизни их предков¹³, а также позволили соотнести и верифицировать полученную информацию с уже известными и новыми фактами и документами.

Согласно им, Ушер Хитер и Элюким Мальц получили среднее и высшее архитектурное образование в Одессе, где работали до конца 1920-х годов – времени переезда в Москву. В советской столице оба архитектора смогли реализовать себя в области гражданской и промышленной архитектуры: возводили школы, больницы, жилые дома, институты, заводские корпуса и помещения во многих городах России, Украины и Средней Азии. Они сохранили тесную дружбу до конца дней. История их семей и профессионального пути как одесского, так и московского периодов подчеркивают общность и уникальность человеческих судеб в XX в., это история о жизни талантливых людей, искавших свое призвание, прошедших через военное лихолетье, преданных избранной профессии и передавших ее своим по-

¹¹ Благодарю сотрудников РГАЛИ за подробные архивные биографические справки об У. Хитере и Э. Мальце и предоставленные фотографии.

¹² Благодарю Даниила Никитина (Киев), заведующего отделом графики Национального художественного музея Украины, за помощь в поиске материалов У. Хитера в фондах музея и контактов с его семьей.

¹³ Хочу высказать слова искренней благодарности семьям У. Хитера и Э. Мальца (Москва) за доверительное отношение к моей работе и всяческое содействие – документами, материалами, воспоминаниями и теплым человеческим расположением, без которого этот исследовательский сюжет не получил бы дальнейшего развития. Эта публикация также посвящена светлой памяти дочери У. Хитера Людмилы Ушеровны Молдавской и сына Э. Мальца Виктора Ильича Мальца, с которыми меня свела судьба в последние годы их жизни. Благодаря этому знакомству мне открылись личности их родителей, атмосфера времени и понимание событий исследуемого периода.

томкам. Сосредоточив внимание на документах, сохранившихся в государственных и семейных архивах, а также на сведениях, полученных от потомков наших героев, мы можем очертить основные этапы их жизни, в том числе в довоенный период.

Ушер Хаймович (Оскар Ефимович) Хитер (1899–1967) (Илл. 2) родился в подольском местечке Мясковка (Крыжопольский район Винницкой области) в семье мелких лавочников [РГАЛИ, Ф. 2466. Оп. 5. Д. 916]. С детства его тянуло к искусству, и он приехал в Одессу поступать в художественное училище (ОХУ), где обучался вместе с Мальцем. По семейным преданиям, годы учебы Хитера приходятся на 1914–1919 гг., а по архивным данным РГАЛИ – на 1915–1916 гг., в дальнейшем учебу пришлось прервать. Возможно, Хитер учился на живописном факультете, поскольку в семейном кругу сохранились сведения о том, что его учителями были знаменитые одесские живописцы К.К. Костанди и П.Г. Волокидин, и любовь к живописи он сохранил до последних дней. В семье сохранилось множество его живописных работ послевоенного времени и память о его тесном общении с опальным московским художником, последователем сурового стиля, шестидесятником Борисом Биргером (1923–2001), мастерскую которого

Илл. 2. Ушер Хитер с матерью Ханой Хитер. Фото рубежа 1920-х – 1930-х гг. САПУХ, г. Москва.

в 1960-е годы посещал Хитер. В Одесском художественном институте¹⁴ он учился на архитектурном факультете (1921–1928), совмещая учебу с преподавательской и архитектурно-строительной работой. Нужда и тяжелая жизнь в Одессе заставляла его одновременно работать преподавателем рисования в детском саду (1920–1924), затем работником в краскотерочной мастерской своего института (1922–1924), чертежником в Одесском военном госпитале (1924–1926), преподавать графическую грамоту в школе рабочей молодежи (1924–1926), работать десятником (бригадиром) на строительстве машиностроительного завода в Горловке (1926), а после этого – стажером-архитектором в объединении «Индустрой» в Харькове (1927). В институте он знакомится со своей будущей женой Эмилией Шимоновной Герценштейн (1903–1980), студенткой скульптурного отделения, которая впоследствии окончила ВХУТЕИН и стала известным московским скульптором [САПУХ]. На излете 1920-х годов Ушер Хитер со своей женой переезжают в Москву. Первым столичным местом его работы стала мастерская Б.М. Иофана, ведущего архитектора сталинской эпохи, урожденного одессита, который также учился в ОХУ и закончил его в 1911 г. Под его началом в 1928–1929 гг. Хитер в должности младшего архитектора принимал участие в работе над проектом Дома правительства в Москве (1927–1931), известного как Дом на Набережной. В военные годы Хитер вступил в народное ополчение и до 1943 г. был связан со строительством оборонительных сооружений, получив воинское звание военного инженера 3-го ранга. После войны он строил жилые дома и работал как градостроитель, планируя поселки и города на Украине и в среднеазиатских республиках [РГАЛИ, Ф. 2466. Оп. 5. Д. 916], но не оставлял в стороне и главную творческую отдушину всей жизни – живопись и изобразительное искусство.

Его друг и коллега Элюким Азрилевич (Азриль-Шмуль) (Илья Израилевич) Мальц (Малц) (1898–1973) был коренным одесситом и проживал в Одессе по адресу: ул. Преображенская, 35, кв. 26. По семейным преданиям, он был активно вовлечен в жизнь творческой молодежи тогдашней Одессы, учился в располагавшемся неподалеку от дома художественном училище на архитектурном отделении (1914–1918), дружил с Ильей Ильфом. Видимо, общался и со старшим братом писателя, известным художником Александром Файнзильбергом, больше известным как Сандро Фазини, входившим в группу еврейских модернистов из «Общества независимых художников» (1917–1920) [Барковская 2012, 187]. Оба они в одни и те же годы учились в ОХУ [Там же, 18], среди учащихся которого в дореволюционный период евреи составляли едва ли не половину. Многие из них оставили яркий след

---

¹⁴ Сначала этот вуз назывался Высшее художественное училище, позднее — Политехникум изобразительных искусств, а свидетельство об окончании У. Хитер получал уже как выпускник Одесского художественного института. В 1920–1930-е годы это название многократно менялось [Барковская 2015, 136].

в искусстве, разрабатывая в том числе и еврейские темы. Опосредованно Мальц был вхож и в круг молодых одесских писателей и поэтов, знал Олешу, Багрицкого, Бабеля, вращался среди прогрессивной молодежи города. Молодость, крах империи, меняющаяся на глазах жизнь, бурление модернистских идей, социальных и национальных идеалов, а вместе с ними лишения и погромы соединяли революционную романтику с трагическим опытом и формировали сознание молодого еврейского поколения. И это был важный мотив, который подталкивал многих евреев, в том числе Мальца и Хитера, к участию в развитии своей национальной культуры. Хотя одесские погромы 1905 г. не коснулись семьи Мальца – по воспоминаниям архитектора, спасло то, что напротив их дома по Преображенской улице находился полицейский участок, – трагические события тех лет глубоко врезались в его память.

После окончания училища он, так же как и Хитер, поступил на архитектурный факультет художественного института. Здесь он учился с 1922 по 1929 гг., параллельно занимался общественной и преподавательской работой, был секретарем профкома. В 1929 г. после окончания вуза, как и многие его земляки (включая Хитера), рвавшие в столицу в поисках луч-

Илл. 3. Элюким Мальц с женой Рахилью Баренберг. Фото конца 1920-х гг. САПЭМ, г. Москва

ших жизненных перспектив, он переезжает в Москву, где до войны работает архитектором и старшим архитектором в разных проектных организациях (Химстрой, Гипрогор, Медсанпроект, Сельхозстройпроект, Теплоэлектропроект), проектирует школы, больницы, ветеринарные институты, здания ТЭЦ, электростанций и пр., становится успешным советским архитектором [САПУХ]. На нескольких снимках одесского периода, сохранившихся в семье архитектора, он запечатлен со своей женой Рахилью Пинхусовной Баренберг (1909–1983) (Илл. 3), соучениками по училищу и, возможно, учениками архитектурной мастерской Одесской художественно-профессиональной школы, — мастерской, которой он руководил и преподавал там два последних года учебы в институте, с 1927 по 1929 гг. [САПЭМ].

В период учебы в институте, как пишет Мальц в автобиографии 1938 г., он «совершил несколько поездок для зарисовок архитектурных памятников Подолии и Волыни, за что от Совета Института получил поощрение и высшую оценку». Оставленные им сведения о том, что «часть этих работ приобретена музеем Академии архитектуры в Москве»¹⁵, объясняют происхождение того собрания, о котором говорилось выше. Такая же информация, но с более подробной датировкой его поездок в этот регион обнаружива-

Илл. 4. Ушер Хитер (в центре) и Элюким Мальц (справа) среди *мацев* на еврейском кладбище. Фото из экспедиции 1927 г. по Подолии и Волыни. САПУХ, г. Москва.

¹⁵ САПЭМ. Автобиография И.И. Мальца. 9 мая, 1938 г.

Илл. 5. Ушер Хитер. Еврейское надгробие из г. Немирова (1750 г.). 1934 г. Бумага, графитный карандаш. 29,5 × 20,5 см. НХМУ (ГРС-10395), г. Киев. Передан из семейного собрания дочерью, Л.У. Молдавской, г. Москва

ется в РГАЛИ. Мальц указывает, что с 1924 по 1936 г. он участвовал в семи экспедициях по изучению, зарисовкам и обмерам памятников архитектуры и скульптуры в Подолии и Волыни.

Возвращаясь к студенческим годам Хитера и Мальца, за своего рода точку отсчета нужно принимать 1924 г. – с него началась ставшая традицией практика творческих поездок по далекой украинской глубинке. В этот и последующие годы Хитер и Мальц колесили по бывшей черте оседлости в Подолии и Волыни, где изучали, зарисовывали и обмеряли памятники старины и, прежде всего, еврейской культуры.

Сохранившийся неподписанный снимок тех лет, который мы предположительно можем отнести к 1927 г., запечатлел двух молодых архитекторов и, видимо, их провожатого около нескольких старинных мацев во время обследования еврейского кладбища одного из местечек, в котором они работали [САПУХ] (Илл. 4). Это уникальное документальное свидетельство интереса к еврейским памятникам, в частности, к декору старинных надгробий, о которых архитекторы писали и которые запечатлены в нескольких известных рисунках и репродукциях Ушера Хитера, в том числе на вышеупомянутом рисунке из НХМУ (Илл. 5).

Затерянные маршруты «художественных экспедиций»

Сопоставляя данные Мальца о семи экспедициях по Подолии и советской части Волыни с датировками известных нам работ, можно с определенностью выявить шесть из них.

Первая поездка относилась к 1924 г., и именно с ней связана сохранившаяся серия зарисовок Мальца с видами архитектурных памятников Каменца-Подольского: старой крепости, надгробий на польском кладбище, большого амбарного здания в близлежащем селе Панивцы – видимо, встретившегося на пути в Каменец. К этому же времени относится и выполненный акварелью этюд здания синагоги (со стороны главного фасада) в Новоконстантинове – то небольшое, что сохранилось в САПЭМ и свидетельствует о маршруте путешествия.

Несколько работ дошли до нас из творческого сезона 1925 г., здесь интерес к еврейским объектам более отчетлив. Среди сохранившегося – рисунок экстерьера синагоги в Новоконстантинове (Хитер), которую художники облюбовали еще в прошлом сезоне, а также интерьер синагоги в Хмельнике (Мальц) (Илл. 6). С этим местечком связана отдельная история, во многом подстегивавшая желание молодых архитекторов приезжать в эти края на летний сезон в последующие годы. В 1925 г. Элюким Мальц здесь встречает свою будущую жену, впоследствии он увозит ее в Одессу. В семье архитектора сохранился карандашный рисунок Мальца – портрет его жены Рахили, сделанный в Хмельнике в 1925 г. На протяжении последующих лет, в том

Илл. 6. Элюким Мальц. Внутренний вид синагоги в г. Хмельнике. 1925 г. Бумага, карандаш, уголь. 72 × 54 см. ГНИМА им. Щусева (Фонд архитектурной графики, РВ 3382), г. Москва

числе и из своих поездок, Люка – как его называли близкие – пишет письма своей жене в Хмельник. Сохранились открытки и письма из Одессы от 1926 г.¹⁶ и из экспедиции 1927 г. В Хмельнике же остается родня Рахили. Таким образом, Хмельник становится важной точкой, от которой «отталкивается» сам Мальц и путешествующий с ним Хитер. Среди местечек, в которых они работали в том же 1925 г., был и Меджибож, о чем писал Мальц своей жене в 1927 г., указывая, что они «остановились в той же квартире, где останавливались два года назад»¹⁷. Именно 1927 г. был самым насыщенным и плодотворным, о поездках этого времени еще пойдет речь ниже.

Последним из одесского периода летних выездов на этюды оказался 1929 г. Единственный рисунок, дошедший с того времени, – это наружный вид синагоги в Хмельнике из собрания ГНИМА (Илл. 7). Можно предположить, что в это время Мальц улаживал свои дела с семьей жены перед их отъездом в Москву, поэтому он и оказался в этом городке.

Две последние точные даты – 1934 и 1936 гг. – связаны уже с поездками в Подолию и советскую часть Волыни из Москвы. В этот период, наряду с еврейскими объектами, путешественники много внимания уделяют старым

Илл. 7. Элюким Мальц. Синагога в г. Хмельнике. Авторская подпись: «Старая каменная синагога на “старом базаре”». 1929 г. Бумага, карандаш, уголь. 51 × 73 см. ГНИМА им. Шусева (Фонд архитектурной графики, PV 3383), г. Москва

¹⁶ САПЭМ. Письмо Э. Мальца к жене Р. Баренберг. Одесса, 11 января 1926 г.

¹⁷ САПЭМ. Открытка Э. Мальца к жене Р. Баренберг. Меджибож, 1 июля 1927 г.

крепостным сооружениям и вообще местным достопримечательностям. Думается, что эти поездки были продиктованы в большей степени ностальгией по прежним студенческим временам и стремлением проведать родных в подольских местечках: Мальцу – в Хмельнике; Хитеру – в его родной Мясковке и расположенной неподалеку Песчанке, где жила семья его жены. От этого периода сохранилось несколько зарисовок И. Мальца, на них изображена городская застройка Винницы, в том числе еврейского квартала (1934) (эти визуальные данные требуют отдельного анализа), и единственный дошедший рисунок руины башни в Бердичеве (1936) – все работы в САПЭМ.

Седьмой год поездок точно датировать трудно. Можно предположить, что это мог быть один из студенческих летних сезонов 1926 г. Это был год стремительного развития отношений Мальца с будущей женой (после знакомства в 1925 г., непрерывной переписки и, соответственно, поездки в Хмельник¹⁸). Однако нам не удалось найти рисунков этого года, да и письмо Ушера Хитера к жене из Горловки (24 сентября 1926 г.) свидетельствует, что в этот год он находился в Донбассе, причем со своим другом Мальцем. Последний также упоминает в автобиографии, что в 1926 г. он был десятником студенческих практик в строительном бюро Донугля (Донбасс, Горловка)¹⁹. Вышеуказанная поездка по местечкам вполне могла прийтись и на начало 1930-х годов, что могло быть связано с периодическими визитами к подольской родне.

Оставляя эти рассуждения за скобками, мы сосредоточим внимание на наиболее продуктивном 1927 г., к которому относится большая часть имеющихся материалов, а также обнаруженные письма. Видимо, неслучайно именно в этот год работа молодых исследователей активизировалась и был открыт еврейский музей в Одессе. 1927 г. был апогеем политики НЭПа; год первого десятилетия Октябрьской революции, когда население почувствовало плоды социальных реформ и культурного возрождения. Уже в следующем году в ходе свертывания НЭПа, новой волны национализации и репрессий, эта ситуация меняется, хотя до начала 1930-х годов в сфере национальной политики страны особых изменений не наблюдается. Тогда же в Одессе иницируется активная краеведческая работа. При Одесском институте народного образования (ОИНО) среди прочих планируется семинар по еврейской культуре с секциями по литературе, истории и языку в рамках задачи изучения студентами истории и культуры народов Одесчины. Главой его был Соломон Хаимович Билов (1888–1949), активист еврейского политического движения, лектор, педагог, общественник, советский литературовед и историк театра. При том же ОИНО рассматривался вопрос о введении в план другого семинара, социально-экономической истории Украины, предмета «История евреев на Украине» и пр. И хотя эти

¹⁸ САПЭМ. Письмо Э. Мальца к жене Р. Баренберг. Одесса, 11 января 1926 г.

¹⁹ САПЭМ. Автобиография И.И. Мальца. 9 мая, 1938 г.

проекты не были реализованы, они показывают всплеск интереса к еврейской культуре в этот период [Левченко 2011, 18; 2016].

В том же 1927 г. в Виннице, на подольских землях, другой энтузиаст, Густав Вольдемарович Брилинг (1867–1942), организует экспедиции по сбору материалов «еврейской старины» и культуры для Винницкого краеведческого музея, он собирает уникальную коллекцию еврейских пряничных досок, так называемых *пурим-бретль*, и в дальнейшем планирует выпустить совместный каталог с одесским еврейским музеем [ВОКМ, Брилинг 1968, 252–259; ИАНАНУ, Ф. ВУАК. Д. 202/21. Л. 4–5]. В 1928 г. открывается отдел еврейской культуры при Полтавском государственном музее [Дубровский 1929, 37]. В целом во второй половине 1920-х годов начинается настоящий бум украинского музейничества, исследования украинского, а с ним и еврейского, искусства [Лукин 2003; Котляр 2009, 121–29; Ходак 2014, 876–878]. Как говорилось выше, это нашло отражение в экспедициях, документах, фотоматериалах, экспонатах, и даже в еврейских отделах в некоторых музеях, которым тогда так и не суждено было стать фундаментом еврейской этнографической науки. В 1926 г. во многих местечках Подолии и Волыни побывала экспедиция (как тогда ее называли – «научная экскурсия») Всеукраинского археологического комитета в лице Данилы Михайловича Щербакковского (1877–1927) и его помощников [НАИА, Ф. 9. Д. 80а], что нашло отражение в единственной публикации с обзором, оценкой состояния и анализом памятников еврейской архитектуры и искусства, вышедшей в межвоенное время [Щербаківський 1927, 204–206; Котляр 2014б, 903–907]. Память о киевских исследователях была еще свежа в местечках, когда год спустя, на волне этнографического подъема, в том же Изяславе и Староконстантинове оказались и двое молодых архитекторов, которые в мае 1927 г. направились по бывшей черте оседлости.

В тот год экспедиции проходили по Меджибожу, Бердичеву, Изяславу, Полонному, Староконстантинову, и авторы прицельно рисовали еврейские памятники: синагоги, еврейские дома, улицы и кладбища. Некоторую часть маршрута и любопытные путевые заметки сохранили письма Мальца к жене в Хмельник. Видимо, на время их с Хитером поездок она оставалась в доме своих родителей. Дошедшие до нас письма и открытки носят преимущественно личный характер, так что сведения о поездке, напряженном характере работы и трудных бытовых условиях составляют лишь их фон.

Одно из писем, датированное 22 мая 1927 г., было написано в Изяславе, где тогда работали Хитер с Мальцем²⁰. Видимо, четко спланированного маршрута у путешествующих архитекторов не было, и они меняли свой план на ходу, ориентируясь на советы местных жителей, полученные в поезде. Так, вместо Шепетовки, куда направлялись сначала, они поехали в Изя-

²⁰ САПЭМ. Письмо Э. Мальца к жене Р. Баренберг. Изяслав, 22 мая 1927 г. В тексте письма автор использует топоним Изяславль – один из летописных и расхожих для того времени вариантов написания названия этого города.

слав, о котором знали по книгам, что город сулит много достопримечательностей, «интересной и своеобразной архитектуры». Атмосферу их путешествия и работы подчеркивает как содержание, так и стиль письма Мальца, исполненный вдохновением и эмоциональным подъемом:

В Казатин приехали в 1 час дня, пообедали на вокзале и сейчас же пересели в шепетовский поезд, где встретили какого-то парня из ГПУ, который посоветовал нам поехать обязательно в Изяславль в 20 верстах от Шепетовки. Т.к. поезд на Изяславль отходил из Шепетовки сейчас же, то мы решили поехать сюда, зная также по книгам, что в Изяславле должно быть интересное для нас. В вагоне рядом с нами сели многие из Изяславля и среди них одна дама. Наши соседи заинтересовались кто мы и зачем едем в Изяславль. Мы сказали. Потом дама сказала, что она из Хмельника; тогда я сказал ей, что моя жена тоже из Хмельника. Она спросила: «А Ваша жена рыжая?» Я подтвердил. Ты не можешь себе представить, Рахиленька, в какой восторг она пришла. Оказывается, она была в Хмельнике как раз в прошлом году во время наших волнений и знает, конечно, все²¹. Ее фамилия Сарра Корень, она сказала, что ты заходила к ним домой. В Изяславле, конечно, на меня обращают особое внимание, т.к. знают и здесь многие нашу историю. Заехали мы в город, думая остановиться на одну ночь на постоялом дворе; приехали мы часов в 7½ вечера, оставили вещи в комнате постоялого двора и решили тут же, что оставаться в этой комнате даже переночевать невозможно из-за ужасного воздуха и «большой чистоты». Поэтому сейчас же отправились смотреть город и подыскивать комнату. Мы действительно попали в очень интересное место, где много интересной и своеобразной архитектуры.

Остановились мы в одной семье еврейской, где есть только мать-старуха и молодая дочь-девушка. Все оказалось так, как мы предполагали: я сделался холостым на первое время, и ухаживанье со стороны матушки и ее дочки очень хорошее. Сейчас я сказал уже, что я женат, но[,] по-видимому, это не может плохо отразиться на нашей жизни. А питаемся мы очень хорошо – по расписанию. Теперь для нас ясно, что мы должны поправиться. Чувствуем себя очень хорошо. Хорошо спим. Работаем с увлечением – вернее[,] лишь начинаем входить во вкус работы. Здоровье мое уже совсем хорошее. Все разрешения на работу у нас уже есть, остается завтра получить разрешение от военных властей для рисования казарм – бывшего дворца...

Открытка, отправленная из Меджибожа 1 июля, также свидетельствует о некоторых бытовых обстоятельствах работы Хитера и Мальца, в том чис-

²¹ Согласно семейному преданию, молодой архитектор познакомился со своей будущей женой во время одной из своих «художественных экспедиций», отбил ее у какого-то местного жениха и вскоре увез в Одессу. Делать это пришлось ночью, тайком, спасаясь от преследования оставленного жениха и его друзей (Из переписки автора с членами семьи Э. Мальца, март 2013 г.).

ле о налаживании контактов с местным еврейским населением, у которого молодым художникам-исследователям из далекой Одессы, уполномоченным «важной миссией», нужно было снискать доверие, показав, что они «свои». Формат открытки и дефицит времени вынуждает Мальца к лаконизму, и он рассказывает лишь о главных объектах работы, коими стали *бес-гамедраш* основателя хасидизма Баал-Шем-Това и еврейское кладбище. Из текста также следует, что оба путника посещали это местечко в 1925 г. и прекрасно ориентировались на местности:

Вчера вечером мы благополучно прибыли в Меджибож. Остановились в той же квартире, где останавливались 2 года назад: устроились удобно. Сплю на хорошем диванчике, пьем горячее молоко. Вчера же вечером побывали в бесамедроше [бес-гамедраш – *Е.К.*] Баал Шема, где Ушер завел немедленно беседы, рассказывая и выслушивая «майсес», из-за чего мы с Мишей [об этом спутнике Хитера и Мальца, к сожалению, нет никаких сведений – *Е.К.*] сильно проголодались, ожидая его. Связь с местными евреями завязана уже хорошая. Сейчас отправляемся работать на кладбище²².

9 июля Мальц отправляет жене еще одну открытку, где пишет, что здесь они «много поработали и много собрали ценного материала»²³. Судя по последнему письму из той экспедиции, сохранившемуся в семье архитектора, напряженная работа в Меджибоже продолжалась около десяти дней. Несколько дошедших фоторепродукций с рисунков Мальца и Хитера показывают еврейскую жилую застройку этого местечка (Илл. 8). Вышеупомянутое письмо было начато 11 июля в Деражне и завершено на следующий день в Староконстантинове²⁴:

Дорогая Рахилечка!

Извини, что не написал тебе письмо на следующий день после открытки. Мы выехали из Меджибожа не на следующий день, как предполагали, а через 2 дня. Потом, в Деражне, где я начал писать первые строки этого письма, силы оставили меня, и я вынужден был отставить карандаш и бумагу и лечь спать, так как встать нужно было рано, в 4½ ч. утра, чтобы успеть к поезду. Разные удовольствия в виде мнимых клопов, действительных блох и кошек не дали мне возможности уснуть, и я почти всю ночь провалялся в постели и спал очень мало, отчего переутомился. Сейчас мы уже в Ст.-Константинове на той же квартире у польки, где были недавно, и где нас хорошо приняли. Днем поспал часа ½, а весь день мы с Ушером и Мишей²⁵ ходили устраивать дела по вывозке еврей-

²² САПЭМ. Открытка Э. Мальца к жене Р. Баренберг. Меджибож, 1 июля 1927 г.

²³ САПЭМ. Открытка Э. Мальца к жене Р. Баренберг. Меджибож, 9 июля 1927 г.

²⁴ САПЭМ. Письмо Э. Мальца к жене Р. Баренберг. Староконстантинов, 13 июля 1927 г.

²⁵ Возможно, именно он запечатлен на вышеупомянутой фотографии (Илл. 4).

Илл. 8. Элюким Мальц. Меджибож в Подолии. Общий вид местечка. 1927 г. Акварель. Фоторепродукция. РГАЛИ (Ф. 2270. Оп. 1. Ед. хр. 353. Л. 5), г. Москва

ских памятников, отчего[,] конечно[,] после недоспанной ночи сильно устали. И вот в таком виде я пишу эти строки.

Среди прочего Мальц указывает на важное для нашей темы обстоятельство – транспортировку памятников для еврейского музея в Одессе. Надо полагать, что исследование и отбор нужных экспонатов производились ранее, в первое посещение местечка. Мальц точно не указывает, о каких объектах идет речь, но об этом можно судить косвенно, исходя из многочисленных рисунков, выполненных в Староконстантинове обоими художниками. Это изображения колодца в полеше²⁶ местного бес-гамедраша, дома, где родился основатель еврейского театра Аврам Гольдфаден (1840–1908), каменной синагоги рубежа XVI–XVII вв. с готическими реминисценциями [Kravtsov 2005, 70, 80, 81], которую изобразили оба художника с разных ракурсов²⁷, и надгробия со старого разрушенного кладбища²⁸. Думается, что

²⁶ Сени перед входом в молитвенный зал или главное учебное помещение синагоги или бес-гамедраша.

²⁷ Репродукции этих работ хранятся в ЦАИЕН. Оба рисунка Хитера и Мальца с внешним видом синагоги приведены в научном каталоге волынских синагог, их довольно трудно отличить по манере исполнения [Kravtsov, Levin 2017, 669].

²⁸ В описях ЦАИЕН указано, что эта фоторепродукция поступила в архив вместе с архивом Соломона Михоэlsa, в котором находится коллекция фотографий,

среди них были и предметы синагогального ритуала, и наиболее интересные в художественном отношении надгробия. И далее неожиданным образом Мальц вновь обращается к их недавней работе в Меджибоже, вспоминая наиболее яркие эпизоды:

Последние дни в Меджибоже провели с большой пользой и интересом. Во-первых, нам удалось зарисовать замок, это замечательное украшение Подолии, во многих видах, чем остались очень довольны. Получили в подарок музею [единственное упоминание в переписке о музее! – *Е.К.*] интересные вещи, сделали 15 фотографических снимков на негативах с разных вещей и мебели старинной (Аптер Рува кровать и кресло)²⁹ и т.д. Кроме того[,] встретили у местного врача одного немца, приехавшего из Берлина, коммуниста – лидера самой левой группы в искусстве за границей, редактора художественного журнала; он пригласил нас к себе, узнав, что мы работаем в Меджибоже. Он захотел сфотографировать какой-либо из рисунков замка, остановил свой выбор на моем рисунке и сфотографировал его, я же негатив везу с собой – снимок очень удачный, чего я не могу сказать о своем рисунке. Перед отъездом было много хлопот из-за фотографий, но и это в конце концов уладилось. В общем в Меджибоже мы основательно поработали.

Ниже Мальц указывает на примечательную деталь, подчеркивающую желание путешественников выделиться внешне из общей среды и возбудить в глазах местного населения особый интерес: «Мы решили пошить себе все одинаковые синие блузы и носим их теперь без поясов. Блузы получились очень хорошие и дешевые по 3 р. штука. Производят потрясающее впечатление на местных жителей. В Ст.-Константинове будем еще только 2–3 дня и отсюда едем в Полонное».

На основе этого отрывка мы можем установить лишь фрагмент их пути с конца мая до июля-августа 1927 г., который проходил по местечкам Казатин (пересадочная станция), Изяслав, Меджибож, Деражня (пересадочная станция), Староконстантинов и далее лежал в Полонное и Бердичев.

Это, пожалуй, все, что мы на сегодня можем сказать об обстоятельствах их поездок по бывшим еврейским местечкам. Судя по интенсивной работе экспедиции, о которой говорится в письмах, то, что дошло до наших дней, –

сделанных в основном экспедицией Семена Ан-ского, а также Ценципером и др., некоторые фотографии имеют штамп Одесского еврейского музея.

²⁹ Иметься в виду знаменитый цаддик Аптер Ребе – рабби Авраам Иошуа Гешель (ок. 1748–1825), цаддик из Апты (Опатов) в Польше, основатель опатовской династии цаддигов. После смерти внука Баал Шем Това, р. Баруха, с 1813 г. и вплоть до своей смерти он был раввином Меджибожа, снискал огромный авторитет среди всего хасидского мира как «старейший цаддик своего поколения», оставил многочисленных потомков, ставших впоследствии известными цаддиками.

сущие крохи от тех сотен рисунков и фотографий, которые были сделаны за 1927 г. и вообще за весь период экспедиций.

Анализируя рисунки, можно с уверенностью сказать, что далеко не все они были сделаны для Еврейского музея в Одессе, особенно это касается тех, что сделаны в первые годы. Во-первых, архитекторы не ограничивались только еврейской стариной и фиксировали то, что им представлялось интересным в окружавшем архитектурном ландшафте. Об этом свидетельствуют рисунки Э. Мальца, сохранившиеся в семейном архиве (к сожалению, подобных рисунков У. Хитера в семье архитектора не сохранилось). Для студентов младших курсов архитектурного института было вполне естественно в качестве летних практик работать с природы над архитектурными пейзажами. Тем более что выезды по украинским городам, в частности, в Подолию и на Воынь, были частью учебной программы института [Солодова 2014, 41–42].

Работа над комплектацией будущего еврейского музея началась еще в начале 1920-х годов, постепенно усиливаясь и вовлекая все больше людей. Соответственно, молодые архитекторы уже в первые годы поездок могли быть вдохновлены на эту захватывающую работу организаторами музея, в частности, П. Сегалом [Солодова 2002, 251]. Однако наиболее интенсивная деятельность пришлась именно на 1927 г. – время активизации сбора для него экспонатов и материалов, о чем упоминает в одном из писем жене Элюким Мальц. Музей торжественно открыли 6 ноября 1927 г., а весь летний сезон накануне оба молодых архитектора целенаправленно трудились над пополнением его коллекции. Дошедшие рисунки и репродукции синагог в Староконстантинове и Полонном четко сопоставляются с работами, которые попали в кадр на вышеупомянутой фотографии из газеты «Дер Эмес».

Думается, что в 1930-е годы тесная связь с музеем прекратилась. В основном поездки осуществлялись по старой памяти, для творческого отдыха, чтобы проведать родных. Практически все сохранившиеся рисунки этого времени остались в Москве. Ни в одной из автобиографий Мальц не упоминает о том, что эти поездки были связаны со сбором материалов для еврейского музея. Видимо, на это были свои причины. Волна репрессий 1930-х годов, прокатившаяся по всей стране, особенно жестоко затронула творческую интеллигенцию Украины, причастную к развитию национальной культуры и искусства. Многие позднее были обвинены в контрреволюции, буржуазном национализме и шпионаже, и сегодня их имена связаны с печальной темой «расстреляного возрождения»³⁰. Подавляющее большинство директоров и сотрудников украинских краеведческих музеев, в том числе вышеупомянутых, были уничтожены или подверглись лишениям и арестам [Лукин 2003, 73]. В частности был расстрелян бывший директор

³⁰ Термин ввел в оборот Юрий Лавриненко (1905–1987), украинский литературовед, публицист, эссеист, критик, редактор, исследователь «расстрелянного возрождения».

(с этой должности он был переведен на должность главного хранителя) самого одесского еврейского музея Бенцион Рубштейн (1882–1934), который в 1927 г., еще за месяц до открытия музея, сменил на посту руководителя музея вышеупомянутого П. Сегала [Лукин 1995, 151; Солодова 2002, 251]. Еще четверо сотрудников музея Леон Стрижак, Зельман Арон Мерхер, Соломон Кит и Шнеур-Залман Окунь (Окунь-Шнеур) были сосланы или погибли в застенках в разные периоды сталинского режима [Солодова 2016, 226]. Их судьбу разделили многие активисты еврейского образования в Одессе [Левченко 2008]. И, быть может, именно тот факт, что оба архитектора задолго до этого покинули Украину и интегрировались по своей прямой профессии в процесс социалистического строительства, спас их от участи многих бывших коллег.

Творческое наследие: место в еврейском музее

Сохранившиеся рисунки и репродукции с видами еврейских памятников и фрагментов местечковой застройки с документальной точностью фиксируют сохранившуюся среду еврейской застройки того времени, – это специфично для манеры архитекторов, в отличие от художников. Вместе с тем очевидно мастерство исполнения, а в отдельных случаях этим рисункам свойственен образный колорит графического этюда. Большинство работ выполнены графитным карандашом на бумаге. Именно рисунок был основой этюда, а акварель, которой нередко пользовались оба архитектора, добавляла немного цвета, оживляя скупую графику. Даже пристально вглядываясь в их работы, трудно найти принципиальную разницу в мастерстве обоих художников и их манере исполнения – здесь сказывалась единая школа и выучка.

Следует подчеркнуть историческую и культурную ценность этих работ, запечатлевших утраченные памятники. Здесь мы находим виды Бердичева, Изяслава, Хмельника, Полонного, Меджибожа, Староконстантинова, Ново-константинова, Немирова, Винницы и других городов. На рисунках изображены также экстерьеры и интерьеры синагог, еврейские улицы и дома (в том числе дома раввинов), надгробия с резным декором, саркофаги и характерные кладбищенские постройки над могилами раввинов (*охели*) – все это исчезнувшие объекты еврейской культуры (Илл. 9). Большая часть сохранившихся изображений уникальна тем, что доносит облик не известных по другим изображениям памятников – синагог (Новоконстантинов), их интерьеров (Хмельник, Староконстантинов, Бердичев), исторической застройки, кладбищенских построек и надгробий.

Небольшая часть изображенных зданий известна и по другим источникам – рисункам и фотографиям 1910–1920-х годов. К таковым относятся виды синагог в Староконстантинове, Изяславе и Полонном (ЦАИЕН). Они

Илл. 9. Ушер Хитер. Бердичев. Еврейский дом на Загребле. 1927 г. Рисунок. Фоторепродукция. РГАЛИ (Ф. 2270. Оп. 1. Ед. хр. 353. Л. 11), г. Москва

выполнены с того же ракурса, что и другие известные изображения, это позволяет проследить изменение архитектурного облика синагог в первые десятилетия XX в. Наглядно такую возможность продемонстрировали в своем недавнем фундаментальном исследовании волынских синагог С. Кравцов и В. Левин [Kravtsov, Levin 2017]. В период Первой мировой и Гражданской войн подобные изменения коснулись почти всех синагог, которые находились в зоне боевых действий. Рисунки, сделанные Хитером и Мальцем, уже запечатлели следы разрушений зданий. На одной из зарисовок синагоги в Староконстантинове Мальц изображает облезшую штукатурку и разрушенные столбы у входа на женскую галерею. Так же выглядит и синагога в Полонном, здесь разрушающаяся кровля и выбитые из ограждений женской галереи балясины. В обоих случаях на ранних фотографиях Даниила Щербаковского, сделанных до Первой мировой войны, оба здания находятся практически в идеальном состоянии.

В третьем примере – на рисунках синагоги в Изяславе – мы вновь наблюдаем аналогичную картину: следы разрушений части пристроек западного фасада (Илл. 10), которые полностью сохранены на фотографии Соломона Юдовина из экспедиции Ан-ского 1912–1914 гг. Любопытен пример с рисунком главного фасада этой синагоги. При сравнении с ее более ранними видами, например, рисунком Георгия Лукомского 1910 г., возникают

Илл. 10. Элюким Мальц. Изяслав на Волыни. Старая синагога. 1927 г. Рисунок, акварель. Фоторепродукция. ЦАИЕН, RU-2687.07

совсем иные вопросы – сомнения в правдивости рисунка Лукомского. Так ли на самом деле выглядели боковые пристройки первого этажа этой синагоги и угловые опорные столбы? Или это фантазии автора, навеянные эпохой модерна и стремлением удревнить и фольклоризировать старую архитектуру? Подобных примеров с работами Г. Лукомского было немало, в частности, с синагогальной серией, которая занимает особое место в его творчестве [Шехурина 2016]. Автор то и дело искажает реальный образ здания, домысливает те или иные детали, соединяет в одном архитектурном пейзаже постройки из разных мест одного городка, пытаясь создать более захватывающий образ старины того или иного города. Сравнение с работой Мальца все ставит на места. Документальность рисунка Мальца подтверждает и перенос на бумагу следов надписи на фронте известного изречения «Как страшно это место! Это не что иное, как дом Божий, и это ворота неба» (Быт 28:17), которое часто помещали над входом в синагогу. Более четко этот текст виден на фотографии Павла Жолтовского, выполненного с того же ракурса годом позже, в 1928 г. (Илл. 11).

До нас дошли два идентичных изображения синагоги в Полонном, которые относятся к разному времени. Одно из них – репродукция работы 1927 г., а другое – рисунок из собрания Музея архитектуры в Москве 1939 г., подписанный Хитером как авторизованная копия вышеуказанной работы, которая

Илл. 11. Синагога в Изяславе. Вид с северо-запада. Фото Павла Жолтовского. 1928 г. 7 × 11,3 см. НБУВ (Ф. 278. Д. 498. Ед.хр.108), г. Киев

хранилась в еврейском музее в Одессе [ГНИМА. Ед. хр. PV 3363] (Илл. 12). Это единственный известный случай, где автор указывает на принадлежность оригинала еврейскому музею. Любопытно, что копия была специально сделана по заказу Музея архитектуры. Это не единичный факт, когда авторская копия рисунка объекта еврейской архитектуры была заказана музеем, что свидетельствует о большом интересе к такого рода памятникам.

Согласно предположениям А. Соколовой, подобный заказ был сделан – теперь уже Мальцу – и для Центрального антирелигиозного музея (ЦАМ) в Москве, который использовал копию раннего рисунка синагоги Бешта в Меджибоже для совершенно иных целей, а именно для атеистического просвещения. Для этих же целей, как говорилось выше, Музей приобрел серию из пяти работ И. Мальца с видами винницкой Иерусалимки – одного из колоритнейших еврейских кварталов черты оседлости. В межвоенный период его запечатлели и исследователи (Г. Брилинг)⁵¹, и художники (например, родившийся там Натан Альтман и Василий Сильвестров, связав-

⁵¹ Директор, а позднее сотрудник, ВОКМ Густав Брилинг со своими коллегами детально фотографировал винницкую Иерусалимку в 1926–1927 гг. По воспоминаниям его сына, «целый небольшой альбом был посвящен Иерусалимке. Сняты были все ее живописные уголки и отдельные строения, синагоги и т.п.». Значительная часть этих изображений до сих пор хранится в фондах музея [ВОКМ, Брилинг 1968, 252–253].

Илл. 12. Ушер Хитер. Деревянная синагога в м. Новое Полонное. 1939 г. (Подпись в правом нижнем углу: «М. Н. Полонное на Волини. Ст. деревянная синагога. Восточная сторона. Авторизованная копия, сделана в 1939 г., оригинал сделан в 1927 г., хранится в Евр. музее в Одессе»). Бумага, карандаш, уголь. 54 × 72 см. ГНИМА им. Щусева (Фонд архитектурной графики, PV 3382), Москва

ший с Винницей свои последние годы). Все они в той или иной степени были объединены энтузиазмом ВОКМ по собиранию этнографических материалов и созданию музейных экспозиций, в том числе по еврейскому наследию края. На основе натуральных рисунков в начале 1930-х гг. В. Сильвестров также создал иллюстрации к повести М. Коцюбинского «Он идет. Образок» (1906), описывавшей тягостные ожидания погромов³², а позднее написал большое самостоятельное живописное полотно «Перед погромом» (1934)³³. Говорить о прямой связи между работами Мальца и Сильвестрова, созданными в один год, трудно. Вместе с тем примечательно, что оба они обратились к давно утвердившимся образам и иконографии еврейства чер-

³² Иллюстрации были созданы в 1931 г., а издание приурочено к 67-летию писателя. Фотокопии типографского оттиска иллюстрированной повести находятся в ВОКМ, а один из печатных оригиналов, рисунки и исходные литографии – в собрании внука художника Платона Сильвестрова (Кельн).

³³ Собрание Национального художественного музея Украины.

ты оседлости: Сильвестров – к теме погрома и лишений, Мальц – к бедноте и скученности отрезанного от цивилизации «еврейского гетто». Еще столетие назад это бросалось в глаза столичным путешественникам, которые видели в такой «экзотике» грязь, неряшливость, стихийность застройки и отсутствие гигиены – все, что становилось в глазах общественности маркером еврейского жилища [Соколова 2006, 407–415]. Теперь эта визуальная идиома чужеродности вошла в арсенал другой, пролетарской, идеологии для презентации образа еврейской бедности, а через него и традиционного уклада еврейской жизни как «препятствия для строительства нового еврейского мира» [Sokolova 2017, 183].

Кроме этих пяти работ известны и другие этюды Мальца, выполненные в 1934 г. в Виннице, в которой он провел немало времени. Мы можем лишь предположить некую связь между поездкой Мальца в это время из Москвы в Винницу и зарисовками винницкой Иерусалимки, с одной стороны, и активизацией комплектования коллекции по иудаизму ЦАМа, которая пришла на 1932–1937 гг. – с другой. Как показывает Соколова, формирование тематического раздела «Иудаизм в царской России» было возложено на историка и идеолога атеизма Марка Менделевича Персица (род. в 1908, умер не ранее 1964 г.), который занимался приобретением работ и выстраиванием музейной концепции экспозиции, открывшейся в 1936 году [Sokolova 2017, 179]. Вполне вероятно, что Мальц уже в то время был вхож в эту московскую среду, благодаря контактам с Эммануилом Шехтманом. Они могли пересекаться еще в Одессе, где с 1929 по 1934 гг. Шехтман работал заведующим художественным отделом еврейского музея, с которым в те годы все еще тесно взаимодействовал Мальц. Опасаясь репрессий, уже находившийся под подозрением Шехтман переезжает из Одессы в Москву и некоторое время сотрудничает с ЦАМом. В этом музее сохранились и его работы, включенные (вместе с натурной графикой Мальца) в общую экспозицию. Поэтому нельзя исключить, что работа Мальца в Виннице осуществлялась по непосредственному заказу ЦАМа.

Таким образом, творческое наследие архитекторов стало тем материалом, с помощью которого кураторы еврейских музеев и экспозиций конструировали дозволенный и инспирированный властью «еврейский музей» с его меняющейся концепцией, которая каждый раз выверяла презентацию иудаизма по новым идеологическим лекалам. По мере вытеснения парадигмы национального строительства классово-идеологией менялась подача и взгляд на памятники уходящей еврейской культуры. Мог ли Мальц предположить, что его этнографические пленэры винницкой Иерусалимки в конечном счете станут дидактическим наглядным пособием для изучения еврейской молодежи консерватизма и убогости еврейского прошлого? Как он сам относился к такой трактовке? Ответом стала его судьба и судьба его друга Хитера. Архитекторы вместе с семьями перебрались из провинции в столицу в поисках лучшей перспективы, сохраняя, тем не менее,

сентимент к исторической среде жизни своего народа. В то же время подобно многочисленным атеистическим изданиям («Безбожник», «Антирелигиозник», «Воинствующий атеизм» и др.), в которых печатались сводки о закрытии синагог и их фотографии, эти коллекции сохранили сами экспонаты и рисунки, которые сегодня можно использовать в новых неангажированных музейных формах и презентационных форматах.

Многолетняя систематическая работа Хитера и Мальца по фиксации в натуральных рисунках еврейских памятников не была чем-то уникальным с точки зрения обращения к теме «еврейской старины». Десятки художников, графиков и живописцев в начале XX в. и в межвоенное время изображали ее с натуры, использовали фотографический материал, подчеркивали документальность или, наоборот, уходили от нее, создавая художественный образ старого еврейства – земной и величественный, мистический, трагический или фольклорный. Их имена широко известны: Георгий Лукомский и Соломон Юдовин, Марк Шагал, Эль Лисицкий, Иссахар-Бер Рыбак и Абрам Маневич. Есть среди художников и менее известные Марк Фрадкин, Бер Бланк, репрессированный и забытый до недавнего времени Василий Сильвестров и многие другие. Часть из них, подобно Хитеру и Мальцу, стремилась запечатлеть исторический облик зданий в «естественной среде бытования». Среди них вышеупомянутый русский историк, художник и искусствовед Георгий Лукомский, автор монографии о европейских синагогах [Lukomsky 1947] и многочисленных рисунков синагог, в том числе на украинских землях³⁴. В этом ряду стоит и полузабытое имя белорусского художника Якова Кругера, участника этнографической экспедиции 1921 г., оставившего акварели с видами ряда синагог Белорусии [КЕЭ 2003, Т. Доп. III, 243–245]. В самой Украине в подобном ключе на рубеже 1920–1930-х годов работал архитектор Николай Топорков, автор сотен рисунков архитектурных памятников Подолии и Волыни, в том числе изображений объектов еврейской застройки подольских местечек: домов, заездов, корчем и пр. [Пламеницька 1996, 189–198]. Но особенностью работы Хитера и Мальца было то, что они осуществляли многолетний целенаправленный проект как одну из открытых программ государственного еврейского музея. Хотя эти экспедиции были небольшим, но ярким и захватывающим сюжетом на заре творческой деятельности архитекторов, они стали частью широкого процесса изучения и отображения исчезающего еврейского наследия в межвоенное время.

Обнаруженные рисунки и документы, рассредоточенные по разным архивам и собраниям многих стран и сведенные воедино в данной публикации, отчасти восполняют утраченный пласт еврейской культуры, расширяют источниковую базу изучения довоенного наследия еврейских музеев

³⁴ Большая часть этих рисунков погибла на выставке в Мадриде 1936 г. во время нацистской бомбардировки, остались лишь названия в каталоге [Lukomsky 1935].

и коллекций, возвращают из забвения имена Хитера и Мальца и ставят их в один ряд с вышеупомянутыми исследователями и художниками, запечатлевшими образцы еврейского архитектурного наследия. Благодаря вкладу этих энтузиастов и подвижников многовековая культура еврейского народа не была полностью стерта, их труд стал бесценным фундаментом для современных научных исследований, новых музейных проектов и кураторских интерпретаций.

Источники:

- ВОКМ – Винницкий областной краеведческий музей. Брилинг Г.Г. К истории Винницкого областного краеведческого музея. Винница, 1968. Копия рукописи. С. 252–259.
- ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева. Фонд архитектурной графики. Ед. хр. РV 3363. Синагога. Новое Полонное. XVIII–XIX вв. Вид с юго-востока. Худ. О.Е. Хитер. Бумага, карандаш, уголь. 54 x 72 см.
- НАИА – Научный архив Института археологии НАН Украины. Ф. ВУАК. Д. 202/21. Винницкий музей. Г. Брилинг. Краткое сообщение об исследовательской работе Винницкого историко-бытового музея на 1927 г. 1928. (на украинском языке). Л. 4–5.
- НАИА. Ф. ВУАК. Д. 330. (О состоянии музеев (Тульчинского, Изюмского, Харьковского, Бердичевского). 1930. (на украинском языке). Л. 20–23 (К проекту музейной сети).
- НАИА. Ф. 9. Д. 80а. «Експурсія на Поділля й Волинь 24 липня – 10 вересня 1926 року». Щоденник Данила Щербаківського.
- НХМУ – Национальный художественный музей Украины. Документально-архивный отдел. Ед. хр. ГРС-10395. Ушер Хитер. Еврейское надгробие. Немиров, 1934. Бумага, графитный карандаш. Передан из семейного собрания дочерью, Л.У. Хитер (Москва). 29,5 x 20,5 см.
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2270 (Гурштейн Арон Шефтелевич (1895–1941) – литературовед, профессор Московского университета). Оп. 1. Ед. хр. 353. Иллюстрации к готовящемуся собранию сочинений Менделе Мойхер-Сфорима (фотография дома, где жил Менделе Мойхер-Сфорим, зарисовки типов евреев и еврейских местечек и др.).
- РГАЛИ. Ф. 2466 (Московское отделение Союза архитекторов СССР (МОСА) (1936–1991). Оп. 5. Ед. хр. 916. Личное дело Хитер Ушера Хаймовича, 1899. (19 ноября 1946–14 июля 1967). 17 листов.
- РГАЛИ. Ф. 2466 (Московское отделение Союза архитекторов СССР (МОСА) (1936–1991). Оп. 6. Ед. хр. 186. Личное дело Мальца Ильи Израилевича, 1898. (8 декабря 1945 – 11 марта 1973). 20 листов.

САПУХ – Семейный архив потомков Ушера Хитера, Москва.

САПЭМ – Семейный архив потомков Элюкима Мальца, Москва.

Литература:

Барковская 2012 – *Барковская О.М.* Общество независимых художников в Одессе. Биобиблиографический справочник. Одесса, 2012.

Барковская 2015 – *Барковская О.М.* Одесское художественное училище. Хроника 1865–1940 // Вестник Одесского художественного музея. Одесса, 2015. Вып. 2. С. 130–140.

Дубровський 1929 – *Дубровський В.В.* Музеї на Україні. Харків, 1929.

Жолтовський 2013 – *Жолтовський П.* UMBRA VITAE. Спогади, листування, додатки. Харків, 2013.

Котляр 2009 – *Котляр Е.* Еврейские музеи и коллекции первой трети XX века: судьба и следы художественного наследия (Львов – Санкт-Петербург – Одесса – Киев) // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. Харків, 2009. № 12. С. 113–133.

Котляр 2013 – *Котляр Є.* До вивчення зниклих єврейських божниць. Дослідження Єлизавети Левитської розписів дерев'яної синагоги у Михалполі, 1930 р. // Народознавчі зошити. 2013. № 3 (111). С. 435–446.

Котляр 2014а – *Котляр Є.* Пам'ятки єврейського мистецтва Кам'янецьчини у виданнях школи Гагенмейстера: пошуки і відкриття // Народознавчі зошити. 2014. № 6 (120). С. 1474–1487.

Котляр 2014б – *Котляр Є.* Данило Щербаківський: наукові розвідки та відкриття єврейського мистецтва // Народознавчі зошити. 2014. № 5 (119). С. 884–913.

Котляр 2016а – *Котляр Е.* Ушер Хитер и Элюким Мальц: в поисках затерявшихся экспедиций Еврейского музея в Одессе // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. Науковий збірник: Матеріали V Міжнародної науково-практичної конференції «Музей. Історія. Одеса». Одеса, 2016. № 15. С. 175–185.

Котляр 2016б – *Котляр Є.* Українська юдаїка Павла Жолтовського // Народознавчі зошити. 2016. № 2 (128). С. 418–450.

Котляр 2017 – *Котляр Є.* Студіювання єврейських надгробків у науковій спадщині Данила Щербаківського (за матеріалами Наукового архіву Інституту археології НАН України) // Рід Щербаківських – звитязці української культури. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції. Вишгород, 2017. С. 211–223.

КЕЭ 2003 – Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 2003. Т. Доп. III. Кол. 243–245.

- Левченко 2008 – *Левченко В.* Еврейское высшее образование в Одессе (1917–1930-е гг.): история, опыт, традиции. <http://www.migdal.org.ua/migdal/events/science-confs/6/17449/>
- Левченко 2011 – *Левченко В.* Краєзнавство в Одеському інституті народної освіти (1920–1930 рр.): становлення, напрями, традиції // *Краєзнавство*. 2011. № 2. С. 14–24.
- Лостман 2001 – *Лостман И.* Три выставки // *Мигдаль Times*. Одесса, 2001. № 16. <http://www.migdal.ru/article-times.php?artid=2417>
- Лукин 1993 – *Лукин В.* Еврейское кладбище (Проспект Александровской фермы, 66-а) // *Исторические кладбища Петербурга*. СПб., 1993. С. 450–457.
- Лукин 1995 – *Лукин В.* От народничества к народу (С.А. Ан-ский – этнограф восточно-европейского еврейства) // *Евреи в России: История и культура*. СПб., 1995. С. 125–161.
- Лукин 2003 – *Лукин В.* Традиционное еврейское искусство глазами украинских краеведов // *Канон и свобода. Проблемы еврейского пластического искусства*. М., 2003. С. 71–84.
- Пламеницька 1996 – *Пламеницька О.* Деяки риси архітектури подільських міст і містечок за матеріалами колекції Миколи Топоркова // *Архітектурна спадщина України. Питання історіографії та джерелознавства української архітектури*. К., 1996. Вип. 3. Ч. 2. С. 189–198.
- Романовська 2002 – *Романовська Т.* Доля єврейського ритуального срібла з колекції музею історичних коштовностей України // *Доля єврейської духовної та матеріальної спадщини в ХХ столітті. Збірник наукових праць за матеріалами ІХ Міжнародної наукової конференції*. Київ, 28–30 серпня 2001 р. К., 2002. С. 259–265.
- Скрипник 1989 – *Скрипник Г.А.* Етнографічні музеї України. Київ, 1989.
- Соколова 2006 – *Соколова А.* «Белый господин» в поисках экзотики: еврейские достопримечательности в путевых записках и искусствоведческих очерках (XIX – начало XX века) // *Русско-еврейская культура: сб. статей*. М., 2006. С. 406–436.
- Солодова 2002a – *Солодова В.* Одесский музей еврейской культуры (1927–1941) // *Доля єврейської духовної та матеріальної спадщини в ХХ столітті. Збірник наукових праць за матеріалами ІХ Міжнародної наукової конференції*. Київ, 28–30 серпня 2001 р. Київ, 2002. С. 250–258.
- Солодова 2002б – *Солодова В.* Судьба музея // *Егупець. Художньо-публіцистичний альманах Інституту юдаїки*. Київ, 2002. № 10. С. 395–404.
- Солодова 2005 – *Солодова В.* Архівні документи як джерело з історії Одеського музею єврейської культури // *Архівознавство. Археографія. Джерелознавство*. Київ, 2005. Вип. 7. С. 144–155.
- Солодова 2010 – *Солодова В.* Документальные источники о судьбе коллекции иудаики Одесского музея еврейской культуры им. Менделе Мойхер-

- Сфорима // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. 2010. № 8. С. 310–331.
- Солодова 2014 – *Солодова В.* Художественная жизнь Одессы. 1920-е – 1930-е годы // Вестник Одесского художественного музея. Одесса, 2014. № 1. С. 40–42.
- Солодова 2016 – *Солодова В.* Кадровая политика в музейной сфере Одессы в 1930-е гг.: цели и методы ее проведения // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. Науковий збірник: Матеріали V Міжнародної науково-практичної конференції «Музей. Історія. Одеса», присвяченої 60-річчю Одеського історико-краєзнавчого музею. Одеса: Астропринт, 2016. № 15. С. 224–227.
- Ходак 2014 – *Ходак І.* Лизавета Левицька (З історії українського мистецтвознавства 1920-х – початку 1930-х років) // Народознавчі зошити. 2014. № 5 (119). С. 867–883.
- Ходак 2017 – *Ходак І.* Наталя Коцюбинська і кабінет українського мистецтва Всеукраїнської академії наук. Київ, 2017.
- Шехурина 2016 – *Шехурина Л.Д.* Древние европейские синагоги в рисунках Г.К. Лукомского // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2016. № 6. С. 784–789.
- Щербаківа 2016 – *Щербаківа М.* «Собрать и сохранить...» Иудаика в украинских музеях межвоенного периода (1919–1940) // Антиквар. Журнал об антиквариате и коллекционировании. 2016. № 11–12 (99). С. 18–27.
- Щербаківський 1927 – *Щербаківський Д.* Пам'ятки мистецтва на Правобережжі // Коротке звітлення Всеукраїнського археологічного комітету за 1926 рік. К. 1927. С. 191–209.
- Kravtsov, Levin 2017 – *Kravtsov S., Levin V.* Synagogues in Ukraine: Volhynia, 2 vols. Jerusalem, 2017.
- Kravtsov 2005 – *Kravtsov S.R.* Gothic Survival in Synagogue Architecture of the 17th and 18th centuries in Volhynia, Ruthenia and Podolia // *Architectura. Zeitschrift für Geschichte der Baukunst. Journal of the History of Architecture.* 2005. Vol. 1. P. 69–94.
- Lukomski 1935 – *Lukomski G.* An Exhibition of Drawings in Crayon, Gouache and Water-Colours of Old European Synagogues. London, 1935.
- Lukomsky 1947 – *Lukomsky G.* Jewish Art in European Synagogues. London, 1947.
- Schechtman 1932 – *Schechtman J.* Das Allukrainische Staatsmuseum für jüdische Kunst auf den Namen von Mendele Mojcher Sfurim in Odessa // *Menorah. Jüdisches familienblatt für wissenschaft / Kunst und Literature.* Wien-Berlin, 1932. X. Jahrgang. Nr. 9/10. S. 393–394. Фото, см.: S. 377, 378, 395, 396.
- Sokolova 2017 – *Sokolova A.* Between Ethnography of Religion and Anti-religious Propaganda: Jewish Graphics in the Leningrad and Moscow Museums in 1930s // *Three Cities of Yiddish: St. Petersburg, Warsaw, Moscow.* Oxford: Legenda, 2017. P. 158–193.

The Cultural Legacy of Usher Chiter and Elyukim Maltz in the Context of the Development of Jewish Ethnography and Museum Practice in the Interwar Period

Eugeny Kotlyar (Kharkiv, Ukraine)

Ph.D. (Art History), Associate Professor at the Department of Monumental Arts and the Department of Art History of Kharkiv State Academy of Design and Arts

Iskusstv str., 8, 61002, Kharkiv, Ukraine

E-mail: eugeny.kotlyar@gmail.com

ID ORCID: 0000-0001-7698-418X

Abstract: The article examines the interwar period in the life and work of two architects, Usher Chiter (1899–1967) and Elyukim Maltz (1898–1973), both graduates of the Odessa School of Architecture. During that time the architects were doing work for the Mendele Moicher Sforim All-Ukrainian Museum of Jewish Proletarian Culture in Odessa. Based on documents and visual materials from a number of museums and archives located in Ukraine, Russia and Israel, as well as on private collections (including those of families of architects from Moscow, where Chiter and Maltz moved in the late 1920s), the author attempts to trace and reconstruct the two architects' research expeditions across the former Pale of Jewish Settlement. A total of seven field trips were conducted in Podolia and the Soviet part of Volhynia – with the aim of collecting materials and exhibition items for the museum and of making nature drawings and watercolors showing Jewish sites, such as synagogues, cemeteries and residential buildings. This empirical approach exemplifies the method of preserving and representing disintegrating Jewish shtetls, commonly practised during the interwar period. The work of both architects is viewed through the prism of musealization of Jewish heritage in the early Soviet period which was closely connected to the formation of state ideology and its transition from «building of the national identity» to class paradigm and atheistic upbringing.

Keywords: Usher Chiter, Elyukim Maltz, Odessa, Jewish museum, Pale of Settlement, field expeditions, Jewish monuments, synagogues, cemeteries, residential quarters, drawings, ethnography, Soviet ideology

DOI: 10.31168/2658-3364.2019.1.1.3

References

- Barkovskaya O.M. Obschestvo nezavisimyh hudozhnikov v Odesse. Biobibliograficheskiy spravochnik. Odessa, 2012.
- Barkovskaya O.M. Odesskoe hudozhestvennoe uchilische. Hronika 1865–1940 // Vestnik Odesskogo hudozhestvennogo muzeya. Odessa, 2015. Vyp. 2. S. 130–140.
- Dubrovskiy V.V. Muzei na Ukraini. Kharkiv, 1929.
- Hodak I. Lyzaveta Levytsjka (Z istorii ukrainsjkogo mystetstvoznavstva 1920-h – pochatku 1930-h rokov) // Narodoznavchi zoshyty. 2014. № 5 (119). S. 867–883.
- Hodak I. Natalya Kotsyubynsjska i kabinet ukrainsjkogo mystetstva Vseukrainsjkoi akademii nauk. Kyiv, 2017.
- Kotlyar E. Danylo Scherbakivskij: naukovy rozvydky ta vidkryttya evreysjkogo mystetstva // Narodoznavchi zoshyty. 2014. № 5 (119). S. 884–913.
- Kotlyar E. Do vyvchennya znyklyh evreysjkyh bozhnytsj. Doslidzhennya Elizavety Levytsjkoi rozpisiv derevjanoi synagogy u Myhalpoli, 1930 roku // Narodoznavchi zoshyty. 2013. № 3 (111). S. 435–446.
- Kotlyar E. Evreyskie muzei i kollekcii pervoy treti XX veka: sudjba i sledy hudozhestvennogo naslediya (Lvov – Sankt-Peterburg – Odessa – Kiev) // Visnyk Kharkivskoi derzhavnoi akademii dyzajnu i mystetstv. Kharkiv, 2009. № 12. S. 113–133.
- Kotlyar E. Pamyatky evreysjkogo mystetstva Kamyanechchiny u vydannyah shkoly Gagenmeystera: poshuki i vidkryttya // Narodoznavchi zoshyty. 2014. № 6 (120). S. 1474–1487.
- Kotlyar E. Studiyuvannya evreysjkyh nadgrobkiv u naukovij spadschini Danyla Scherbakivskogo (za materialamy Naukovogo arhivu Instytutu arheologii NAN Ukrainy // Rid Scherbakivskjkyh – zvytyazhtsi ukrainsjkoi kultury. Materialy mizhnarodnoi naukovy-praktychnoi konferentsii. Vyshgorod, 2017. S. 211–223.
- Kotlyar E. Ukrainsjka yudaika Pavla Zholtovskogo // Narodoznavchi zoshyty. 2016. № 2 (128). S. 418–450.
- Kotlyar E. Usher Hiter i Elyukim Malts: v poiskah zateryavshihsyia ekspeditsiy Evreyskogo muzeya v Odesse // Visnyk Odesjkogo istoryko-kraeznavchogo muzeyu. Naukovyj zbirnyk: materialy V Mizhnarodnoi naukovy-praktychnoi konferentsii «Muzey. Istoryia. Odesa». Odesa, 2016. № 15. S. 175–185.
- Kratkaya evreyskaya entsiklopediya. Ierusalim, 2003. T. Dop. III. Kol. 243–245.
- Kravtsov S., Levin V. Synagogues in Ukraine: Volhynia, 2 vols. Jerusalem, 2017.
- Kravtsov S.R. Gothic Survival in Synagogue Architecture of the 17th and 18th centuries in Volhynia, Ruthenia and Podolia // Architectura. Zeitschrift für Geschichte der Baukunst. Journal of the History of Architecture. 2005. Vol. 1. P. 69–94.

- Levchenko V. Evreyskoe vysshee obrazovanie v Odesse (1917–1930-e gg.): istoriya, opyt, traditsii. <http://www.migdal.org.ua/migdal/events/science-confs/6/17449/>
- Levchenko V. Kraeznavstvo v Odesjkomu Instytuti narodnoi osvity (1920–1930 rr.): stanovlennya, napryamy, tradytsii // Kraeznavstvo. 2011. № 2. S. 14–24.
- Lostman I. Tri vystavki // Migdal Times. Odessa, 2001. № 16. <http://www.migdal.ru/article-times.php?artid=2417>
- Lukin V. Evreyskoe kladbische (Prospekt Aleksandrovskoy fermi, 66-a) // Istoricheskie kladbisha Peterburga. S.-Peterburg, 1993. S. 450–457.
- Lukin V. Ot narodnichestva k narodu (S.A. An-skiy – etnograf vostochno-evropeyskogo evreystva) // Evrei v Rossii: istoriya i kultura. S.-Peterburg, 1995. S. 125–161.
- Lukin V. Traditsionnoe evreyskoe iskusstvo glazami ukrainskikh kraevedov // Kanon i svoboda. Problemyi evreyskogo plasticheskogo iskusstva. Moskva, 2003. S. 71–84.
- Lukomski G. An Exhibition of Drawings in Crayon, Gouache and Water-Colours of Old European Synagogues. London, 1935.
- Lukomsky G. Jewish Art in European Synagogues. London, 1947.
- Plamenitska O. Deyaki rysy arhitektury podiljskykh mist i mistechok za materialamy koleksii Mykoly Toporkova // Arhitekturna spadschyna Ukrainy. Pitannya istoriografii ta dzhereloznavstva ukrainskoi arhitektury. Kyiv, 1996. Vypusk 3. Ch. 2. S. 189–198.
- Romanovs'jka T. Dolya evreys'jkogo ritual'nogo sribla z koleksii Muzeyu istorychnykh koshtovnostey Ukrainy // Dolya evreys'jkoi duhovnoi ta materialnoi spadschyny v XX stolitti. Zbirnyk naukovykh pratsj za materialamy IX Mizhnarodnoi naukovoï konferentsii. Kyiv, 28–30 serpnia 2001 r. Kyiv, 2002. S. 259–265.
- Schechtman J. Das Allukrainische Staatsmuseum für jüdische Kunst auf den Namen von Mendele Mojcher Sfurim in Odessa // Menorah. Jüdisches Familienblatt für Wissenschaft / Kunst und Literature. Wien-Berlin, 1932. X. Jahrgang. Nr. 9/10. S. 393–394. Bilder: S. 377, 378, 395, 396.
- Scherbakivskyj D. Pamyatky mystetstva na Pravoberezhzhi // Korotke zvidomlennya Vseukrains'jkogo arheologichnogo komitetu za 1926 rik. Kyiv, 1927. S. 191–209.
- Scherbakova M. «Sobratj i sohranitj...» Iudaika v ukrainskikh muzeyah mezhvoennogo perioda (1919–1940) // Antikvar. Zhurnal ob antikvariate i kolleksionirovanii. 2016. № 11–12 (99). S. 18–27.
- Shehurina L.D. Drevnie evropeyskie sinagogi v risunkah G.K. Lukomskogo // Aktualnye problemy teorii i istorii iskusstva. 2016. № 6. S. 784–789.
- Skrypnik G.A. Etnografichni muzei Ukrainy. Kyiv, 1989.

- Sokolova A. «Belyj gospodin» v poiskah ekzotiki: evreyskie dostoprimechatelnosti v putevyyh zapiskah i iskusstvovedcheskih ocherkah (XIX – nachalo XX veka) // Russko-evreyskaya kultura: sb. statey. Moskva, 2006. S. 406–436.
- Sokolova A. Between Ethnography of Religion and Anti-religious Propaganda: Jewish Graphics in the Leningrad and Moscow Museums in 1930s // Three Cities of Yiddish: St. Petersburg, Warsaw, Moscow. Oxford: Legenda, 2017. P. 158–193.
- Solodova V. Arhivni dokumenty yak dzherelo z istorii Odeskogo muzeyu evreyskoi kuljтуры // Arhivoznavstvo. Arheografiya. Dzhereloznavstvo. Kyiv, 2005. Vip. 7. S. 144–155.
- Solodova V. Dokumentalnye istochniki o sudbe kolleksii iudaiki Odesskogo muzeya evreyskoy kuljтуры im. Mendele Moyher-Sforima // Visnik Kharkivskoi derzhavnoi akademii dyzajnu i mystetstv. 2010. № 8. S. 310–331.
- Solodova V. Hudozhestvennaya zhiznj Odessy. 1920-e – 1930-e gody // Vestnik Odesskogo hudozhestvennogo muzeya. Odessa, 2014. № 1. S. 40–42.
- Solodova V. Kadrovaya politika v muzeynoy sfere Odessy v 1930-e gg.: tseli i metody ee provedeniya // Visnik Odesjkogo istoriko-kraetznavchogo muzeyu. Naukovyj zbirnyk: materialy V Mizhnarodnoi naukovo-praktychnoi konferentsii «Muzey. Istoriya. Odesa», prisvyachenoj 60-richchyu Odeskogo istoriko-kraetznavchogo muzeyu. Odesa: Astroprint, 2016. № 15. S. 224–227.
- Solodova V. Odesskiy muzey evreyskoi kuljтуры (1927–1941) // Dolya evreyskoi duhovnoi ta materialnoi spadschyny v XX stolitti. Zbirnyk naukovyh pratsj za materialamy IX Mizhnarodnoi naukovo konferentsii. Kyiv, 28–30 serpnja 2001 r. Kyiv, 2002. S. 250–258.
- Solodova V. Sudjba muzeya // Egupets. Hudozhnjo-publitsystychnyj almanah Institutu yudaiky. Kyiv, 2002. № 10. S. 395–404.
- Zholtovskij P. UMBRA VITAE. Spogady, lystuvannya, dodatky. Kharkiv, 2013.